

Был почти полдень, и в коридорах больницы было относительно тихо, лишь небольшие группы дежурных медсестер переговаривались друг с другом. Когда Гу Лай с контейнером еды в руках подошел к двери, он случайно столкнулся с медсестрой, менявшей повязки Шэнь Ю, и остановился. Он закрыл глаза, не решаясь смотреть на сцену, залитую кровью и израненную, искореженную плоть. Прислонившись к стене, он тихонько ждал, но его чуткий слух все равно улавливал приглушенные крики боли.

Из-за сильного пожара, случившегося несколько месяцев назад, весь трактир сгорел дотла, и об этом даже писали в новостях. Повреждения Гу Лая были менее серьезными, чем у Шэнь Ю, поэтому его уже давно выписали из больницы. Шэнь Ю все еще проходил курс реабилитации, и каждый день, когда нужно было менять повязки на его теле, больше походил на пытку.

Минут через десять медсестра выкатила тележку, и только тогда Гу Лай вошел в палату и слегка прикрыл за собой дверь.

Шэнь Ю еще не ложился, и вокруг его талии лежал толстый слой марли. Из-за того, что слои насквозь пропитались насыщенным цветом медицинской мази, выглядело это довольно пугающе. Но это было гораздо лучше, чем всего несколько недель назад. Несколько движениями он застегнул пуговицы, закрывая раны. Одежда сидела на нем свободно, отчетливо подчеркивая, как сильно похудело его тело.

Шэнь Ю не рассказал своей семье об этом инциденте. Он привык летать в одиночку, поэтому исчезновение без связи на несколько месяцев было обычным делом, и никто не придавал этому значения.

Гу Лай поставил контейнер с едой на стол, а затем достал салфетку, чтобы вытереть пот с лица Шэнь Юя. Движения были настолько привычными, словно он проделывал их миллион раз. Только после этого он присел рядом с кроватью и тихо спросил,

«Тебе сегодня лучше или все еще очень больно?»

Он спрашивал это каждый день.

Мозг Шэнь Юя все еще не успел сообразить, что к чему, и только спустя мгновение до него дошло. К сожалению, его бледное лицо не придавало убедительности его словам,

«Все в порядке, мои раны уже зарубцевались».

Гу Лай промолчал. Было бы ложью сказать, что он не знал и что ему не было больно. Поэтому он мог лишь утешить Шэнь Юя, поцеловав его в лоб. Шэнь Ю не мог делать резких движений - даже самое легкое движение могло вызвать раздражение раны на спине. Поэтому он лишь потянул Гу Лая за рукав и шутливо сказал ему на ухо,

«Поцелуй меня еще несколько раз, и больше не будет больно».

Услышав это, Гу Лай действительно поцеловал его еще несколько раз. Шэнь Ю, воспользовавшись случаем, прикусил нижнюю губу и не отпускал ее. Он медленно, с силой поцеловал Гу Лая в ответ - даже если он был болен, его доминирующая и собственническая натура ничуть не уменьшилась.

Шэнь Ю хотел сказать Гу Лаю, что это не первый раз, когда он был ранен и госпитализирован. Как бы ему ни было больно, он уже привык к этому.

Травмы, полученные им в тот год в университете, были еще серьезнее, чем те, с которыми он столкнулся сейчас.

Тогда каждая секунда, каждая минута была полна страданий. Каждый раз, когда ему меняли повязки, ему казалось, что с него сдирают плоть. Даже если к нему не прикасались, ему было больно, а когда к ранам прикасались, становилось еще больнее. Много дней и ночей он провел в муках, не имея возможности отдохнуть. Кроме наемного помощника, рядом с ним не было никого.

В тот год день и ночь каждый его вдох и выдох были наполнены ненавистью.

Но Гу Лай никогда не узнает, что раны, полученные Шэнь Ю в этот раз, были получены по доброй воле.

Поцелуй, который должен был утешить, внезапно изменил направление, но, несмотря ни на что, они не могли сделать ничего больше. Гу Лай слегка приподнял затылок Шэнь Ю и крепко обнял его. Его язык прошелся по пересохшим губам собеседника, продолжая исследовать их изнутри. Их переплетение становилось все более жарким и привычным, в отличие от первого раза, когда Гу Лая чмокнули в губы, а он покраснел и захотел убежать.

Рука Гу Лая опустилась на ногу Шэнь Ю и слегка помассировала ее. Медленно двигаясь вверх, он не делал ничего слишком откровенного, но это выглядело так кокетливо.

Шэнь Ю и не подозревал, что его нога может быть такой чувствительной, и несколько раз беспомощно выгнулся. Но потом он обнаружил, что не может избавиться от этой руки, и хриплым голосом произнес,

«Гу Лай, ты стал таким непослушным.....».

Гу Лай невинно оглянулся на него: «Хм?»

Шэнь Ю: «.....»

Ладно, притворимся, что он ничего не сказал.

В этот период, кроме того, что Гу Лай ходил домой готовить еду, он все время оставался в больнице. Он всегда помогал по хозяйству, не делая перерывов. Когда наступил полдень, на него навалилась сонливость. Шэнь Ю внял всему, что делал Гу Лай, и похлопал по месту рядом с собой,

«Поднимись и отдохни. Я все равно не могу уснуть».

«Не беспокойтесь, я не хочу спать».

Гу Лай покачал головой и пошел доставать из контейнера приготовленные закуски. Взяв ложку, он стал понемногу кормить Шэнь Юя, чтобы тот не поднял руку и не разорвал раны.

В том большом пожаре сгорело все - от багажа до цепей и оков, которые они так долго хранили в своих сердцах; все, что было в этом далеком, историческом, некогда шумном городе, разлетелось по горам и озерам и бесшумно упало на эту мощеную булыжником аллею. Сердце Шэнь Юя было заполнено до краев и не могло больше ничего вместить.

Закончив есть, Шэнь Ю слегка прислонился к кровати, размышляя о чем-то. Наклонившись, он открыл ящик для хранения и с большим трудом что-то нащупал. Затем он достал что-то и легонько швырнул в Гу Лая,

«Эй, твой глупый камень!»

Гу Лай рефлекторно поймал предмет, который показался ему очень холодным и тяжелым. Присмотревшись, он понял, что это тот самый синий камень, который он отшлифовал. Подняв голову, он немного удивился и удивленно произнес,

«Ты захватил его с собой?»

Шэнь Ю поднял бровь и, не говоря ни слова, наклонил голову с самодовольным выражением лица.

Гу Лай улыбнулся и сказал,

«Завтра я куплю новые инструменты, чтобы продолжить шлифовку».

Шэнь Ю спросил, подыгрывая,

«Какую форму ты собираешься придать песку? Сначала нужно нарисовать ее, верно?»

В ящиках палат пациентов лежали канцелярские принадлежности, которые медсестры оставляли для заполнения бланков. Гу Лай достал лист бумаги и взял ручку, чтобы нарисовать идеальный круг. Затем он добавил пару пухлых крылышек сзади, а затем перевернул лист, чтобы Шэнь Ю мог видеть. Он сказал,

«Я собираюсь придать ему вот такую форму. Хорошо смотрится?»

Когда Гу Лай говорил это, его глаза мерцали таинственным светом. Увидев его в таком состоянии, Шэнь Ю приостановился и нарочито поддразнил его,

«Это просто глупый маленький шарик, как он может быть красивым».

Гу Лай в кои-то веки оказался на противоположной стороне: «Разве он не выглядит так мило?»

Шэнь Ю снова взглянул на бумажку и подумал, что она такая пухленькая и действительно выглядит довольно мило. Но то, что прозвучало из его уст, было совсем не то,

«Все нормально. По-моему, довольно средне».

Гу Лай наклонился к нему и с серьезным выражением лица твердо повторил,

«Это не обычный шар. Он может излучать свет и летать».

Шэнь Ю рассмеялся. Он вдруг подумал, что пребывание в больнице не так уж и скучно. Ни с того ни с сего он сказал,

«Психиатрическое отделение находится совсем рядом. Будьте осторожны. Врачи могут утащить тебя туда».

Гу Лай посмотрел на него и ничего не сказал.

Шэнь Ю слегка кашлянул несколько раз, а когда закончил смеяться, не стал больше дразнить Гу Лая и взял лист бумаги, чтобы рассмотреть его повнимательнее. Затем он вынес свой вердикт,

«Ммм. Очень мило».

Глаза Гу Лая заблестели: «Правда?»

Он редко бывал так счастлив, и Шэнь Ю вдруг почувствовал себя так, словно успокаивает маленького ребенка,

«Правда.»

Гу Лай наконец-то был удовлетворен и сложил бумагу, чтобы положить ее обратно в ящик. Затем он прижался лбом ко лбу Шэнь Ю и не отпускал его, слегка приговаривая,

«Тебе лучше поскорее поправиться».

Когда Гу Лай находился в больнице, он постоянно чувствовал пустоту, словно ему чего-то не хватало.

Шэнь Ю подумал, что еще через пару дней, когда его раны станут немного лучше, он планирует выписаться из больницы и лечиться дома. Но он ничего не сказал об этом и лишь поцеловал Гу Лая в губы, молча кивнув головой.

Погода понемногу становилась все холоднее, и, если бы он что-то сказал, то на улице стало бы заметно холоднее. На траве у больницы лежал тонкий слой инея, и, вероятно, скоро выпадет снег. Когда Гу Лай пришел день назад, он видел, как в приемный покой везли пациента в крови, а несколько пожилых женщин, которые любили собираться в коридорах, шептались о том, что здесь водятся призраки, что очень его пугало, и он не решался бесцельно бродить, особенно ночью.

Шэнь Ю нашел это очень забавным и одновременно душераздирающим. Он вздохнул и беспомощно сказал,

«В этом мире нет призраков».

Гу Лай был очень упрям в таких вопросах,

«Есть».

Шэнь Ю лишь смиренно согласился: «Хорошо, раз ты так говоришь».

Глубокой ночью кувшин с горячей водой опустел, и Шэнь Ю долго искал его на столе, прежде чем обнаружил, что его чашка пуста. Затем он повернулся и обнаружил, что Гу Лай лежит на койке рядом с ним, предназначенной для больничного персонала, и, похоже, спит. Он с трудом перевернулся на спину, стараясь не издать ни звука, и сел.

«Что случилось?»

Гу Лай был гораздо более бдительным, чем Шэнь Ю мог ожидать. Гу Лай сел и, увидев пустую чашку в руке Шэнь Ю, сразу же понял ситуацию и сказал,

«Хочешь выпить воды? Я схожу за водой».

Затем он встал с кровати и взял свои ботинки.

Шэнь Ю почти хотел рассмеяться, но в то же время ему захотелось заплакать,

«Черт, неужели ты не боишься призраков? Это недалеко, я и сам могу сходить».

Гу Лай не согласился,

«Доктор сказал не двигаться, а то рана откроется. Сиди. Я скоро вернусь».

Ночью в коридорах больницы все еще горел свет. Но от белого света все вокруг казалось еще более холодным и угрожающим. Когда он завернул за угол и подошел к стойке администратора, то не увидел ни одной дежурной медсестры, а вокруг стояла такая тишина, что слышны были только его собственные шаги.

Сердце Гу Лая забилося быстрее, и, держа в руках кувшин с горячей водой, он ускорил шаг, желая быстрее вернуться назад. Но тут он обнаружил в дальнем конце коридора пожилого мужчину, который медленно шел вперед, опираясь на трость. Каждый раз, проходя мимо двери больничной палаты, он останавливался, прежде чем снова двинуться в путь, и выглядел очень странно.

В голове Гу Лая непроизвольно всплыли слова, сказанные несколько дней назад,

«Омона, когда я ложился спать ночью, я увидел тень, движущуюся взад-вперед возле моей комнаты, и почувствовал, как по всему телу пробежал холодок. Возможно, это призрак, пытающийся высосать мою жизненную энергию!»

Его сердце тут же упало.

Комната Шэнь Ю была первой в конце коридора, и Гу Лай мог только протискиваться вперед. Он изо всех сил старался сбавить скорость, но все равно быстро догнал пожилого мужчину. Он нервно схватился за ручку кувшина, а затем незаметно наклонил голову, чтобы посмотреть на собеседника, и обнаружил, что старик полон жизни и энергии и совсем не похож на призрака.

У старика был довольно взрывной характер. Поэтому, увидев, что Гу Лай без причины смотрит на него, он со злостью ударил тростью по земле. Он собирался что-то сказать, но земля была очень скользкой, а ноги слабыми, поэтому он чуть не споткнулся и не упал.

Гу Лай быстро подошел к нему, чтобы помочь, и, увидев, что он стоит на ногах, отпустил его.

Гу Лай спросил,

«Ты в порядке? Пол здесь немного скользкий».

Старик смущенно хмыкнул и не поблагодарил.

Гу Лай не стал возражать, вошел в комнату Шэнь Юя с кувшином в руках и закрыл за собой дверь.

Шэнь Ю, опустив голову, смотрел на свой телефон. Он сидел на кровати и ждал Гу Лая, поэтому, услышав шум, машинально поднял голову. Затем он полусушня сказал,

«О боже, тебя так долго не было, ты ведь не видел никаких призраков?»

Гу Лай понял, что Шэнь Ю над ним смеется, и ничего не ответил. Он налил воду в чашку Шэнь Юя, а затем аккуратно поднес ее к губам. Только когда Шэнь Ю закончил пить, он серьезно сказал,

«Там не было никаких призраков, только красивые медсестры».

Шэнь Ю мог бы позавидовать, но почувствовал, что в этом нет необходимости. Он сузил глаза и с фальшивой улыбкой сказал,

«Даже если бы они были красивыми, уже слишком поздно. Теперь ты моя».

Гу Лай иногда бывал довольно упрямым, поэтому, сняв ботинки, он снова улегся на свою койку и разгладил одеяла,

«Почему ты не можешь быть моим?»

Кончики ушей Шэнь Ю покраснели, и он, попинав одеяло, тихо сказал,

«Я никогда не говорил, что это не так».

Гу Лай спросил,

«Значит, ты мой?»

Шэнь Ю приглушенно признал это в темноте,

«Ммм...»

Его руки лежали на краю кровати, и теперь их крепко сжимала другая рука. В этой приближающейся зимней ночи температура их рук нагрелась до невыразимых пределов, и ни один из них не понял, что в их двери появилась щель и закрылась обратно.

Старик с тростью спустился на лифте на первый этаж, и водитель, который все это время ждал его с машиной, тут же подошел, чтобы помочь, но его оттолкнули, и старик, собрав все силы, сел на заднее сиденье.

Из машины донесся грохот, и она очень быстро скрылась в темноте ночи.

<http://bllate.org/book/17367/1629104>